

ВАСИЛИСК Бородавкин, описанный Салтыковым-Щедриным, прославился тем, что выразил письменно свои высокие мысли о единовластии. Главным качеством начальственного лица он считал строгость к подчиненным. «Первым действием в сем смысле, — писал он, — должен быть суровый вид... Речь должна быть отрывистая, взор, обещающий дальнейшие распоряжения, походка неровная, как бы сдержанная».

Главный дирижер Свердловского театра музыкальной комедии Сергей Яковлевич Орланский не излагал еще письменно своих воззрений на сей счет. Тем не менее его действия могли бы стать ярким фактическим материалом для творческого исследования Бородавкина. Дирижер Орланский ранее подвизался в оркестрах на ленинградских шпиротах. Здесь и случились с ним неприятности: его, мягко говоря, попросили из-за пульты. Попросили за буйное стремление к единовластию. Выражалось оно в том, что во время представлений Сергей Яковлевич выделял номера, не предусмотренные ни либретто, ни клавиrom. И считал это верхом своей творческой изобретательности.

Когда герой оперетты на сцене пел: «О свет моих очей!» и простирали руки к своей возлюбленной, из оркестра доносилось до зрителей:

— Уйди сейчас же, дубина!

— Пойми тоску мою! — пел герой на сцене, обращаясь к возлюбленной. А вслед за этим зрители слышали:

— Убирайся, тупица!

Солные выступления Сергея Яковлевича Орланского не принесли ему желаемой славы. Зато скандальную дирижер приобрел. Скоро она заставила прислушаться к его «репертуару». Оказалось, что главный дирижер Ленинградского театра музыкальной комедии убирал из оркестра неудобных ему музыкантов, вводил на новые роли неподготовленных исполнителей, сеял склоку. Одним словом, творческий коллектив благодаря бурной деятельности Орланского скоро оказался разваленным. За эти «заслуги» главный дирижер был отстранен от пульты и тотчас же покинул берега Невы.

— Говорят, у вас трудился на ниве опереточного искусства Сергей Яковлевич Орланский? — звонили месяц спустя из Свердловска в Ленинград. — Каков он специалист?

— Специалист неплохой, но...

— Ничего, мы его берем к себе...

— Обижаться не будете, мастер своего дела! — подтверждали из Министерства культуры РСФСР.

И в Свердловске поверили. Поверив, повеселили: оперетта будет в надежных руках.

Но «мастер своего дела» скоро повел себя довольно шумно. Из-за пульты полетели реплики, не значащиеся в либретто. Зрители вначале недоумевали: видимо, новый дирижер — человек необыкновенно темпераментный, решил добиться особой слаженности звучания оркестра. А реплики слышались все чаще и произносились все громче.

По ходу спектакля молодой влюбленный, простирая к возлюбленной руки, выводил:

— Я хочу тебе сказать слово нежное...

А из оркестра явственно слышалось:

— Уйди сейчас же, бездарь!

На сцене артист пел: «Сильва, ты меня не любишь...», а из оркестра несло: «Ненавижу!».

Воздействие этих сольных номеров в исполнении главного дирижера иногда было так велико, что у влюбленного героя спектакля опускались руки и немели уста, а обиженные артисты вылетали из оркестра как ошпаренные.

Так как подобные номера исполнялись дирижером все чаще, творческие работники театра непрерывно жаловались на Орланского.

— Помогите, — слышался их голос. — Не можем так...

В конфликт местного значения вмешивалась администрация. А дирижер, бия себя в грудь, снова заверял:

— Даю слово, больше ни разу...

Проходило несколько дней, и все повторялось. Цеховой комитет сообщил, наконец, администрации, что «коллектив оркестра считает совместную работу с дирижером С. Я. Орланским невозможной». А дирижер

тем временем звонил в Москву. И вот уже в Свердловске разводили руками:

— Что поделаешь, он — мастер своего дела. Подождем, может, образумится.

Ждали напрасно. Когда настал срок сдавать очередной спектакль «Принцесса цирка», главный дирижер вдруг пришел к решительному выводу: одна из актрис для новой роли не годится.

— Снять за бездарность!

— Но позвольте, раньше ведь она пела!

— Раньше пела, теперь не будет! Голос дирижера гремел так, что пришлось немедленно созывать художественный совет и прослушать артистку. Выяснилось, что петь она может и, причем, хорошо.

— Тогда работайте сами! — заявил Орланский и отказался дирижировать спектаклем.

С этого дня оригинальные реплики участились. Дирижер как бы проверял на своих подчиненных воздействие всех обидных эпитетов. Теперь многие репетиции заканчивались не нежными руладами, издаваемыми шипковыми и духовыми инструментами, а плачем подчиненных. Орланский же оставался к ним глух. Он то начинал за пультом топтать ногами, то гримасничать, то снова кричать.

Не раз обращались артисты Свердловского театра музыкальной комедии в различные инстанции, просили ограждать их от разбушевавшегося любителя единовластия. Но тщетно. Правда, недавно дирекция театра неожиданно заявила, что главный дирижер дал якобы еще одно обещание исправиться. Этого обещания никто из творческих работников не слышал.

— Не слышали? — удивляются руководители театра. — Это потому, что главный дирижер дал письменное обещание.

Мы не знаем, какие соображения относительно своих действий высказал в письменной форме Орланский и далеко ли он продвинулся в разработке вопроса о единовластии после Василиска Бородавкина. Но известно одно: творческий коллектив Свердловского театра музыкальной комедии уже давно лихорадит. Причина тому — художества Сергея Яковлевича Орланского. Не пора ли его в самом деле вывести из-за пульты?

С. ЗАГОРУЙКО.